

16. Общий обзор

В дни, последовавшие за подавлением военного мятежа, рабочие большинства регионов республиканской Испании – Каталонии, Леванта, Новой Кастилии (Центра), Андалусии, Сантандера и Астурии – начали захватывать контроль над промышленными и торговыми предприятиями, на которых они работали. Единственным лоялистским регионом, где таких захватов не происходило, была Страна Басков. Баскские националисты, которые преобладали в региональном правительстве, не позволяли проводить подобные конфискации. Сын одного баскского промышленника, который в период правления Франко сам стал владельцем завода, рассказывал мне, что их семейная металлургическая компания во время войны оставалась под управлением человека, получившего доверенность от его отца, в то время как сами они находились во Франции¹.

Стихийность коллективизации

Первое, что следует сказать о захватах предприятий их рабочими, – они совершались спонтанно, без какого-либо призыва или указания НКТ или любой другой высшей власти. Виктор Альба, который в то время был журналистом и лидером молодёжного движения Рабочей партии марксистского единства в Каталонии, подтверждает это.

Согласно Виктору Альбе, основной причиной создания того, что вскоре стали называть «коллективами», было оставление предприятий их законными владельцами: «Нужно подчеркнуть исключительность этого явления, которое было неожиданным и повторение которого было маловероятным... этого массового оставления предприятий владельцами фирм, имевших определённое значение, поскольку это помогает нам понять ситуацию, без которой коллективизация не произошла бы»².

Энрике Марко Надаль, который во время Гражданской войны был лидером железнодорожных рабочих НКТ Валенсии, писал мне:

“ «Коллективы начинались со взятия (инкаутации) рабочими производств, брошенных теми собственниками, которые больше сочувствовали мятежникам, чем Республике, и поэтому бежали из неё, или теми, кто, не испытывая неприязни к Республике, были недобросовестны в отношениях со своими рабочими и также бежали, чтобы не стать жертвами репрессий»³.

Однако Виктор Альба, говоря, в частности, об исчезновении собственников в Барселоне, возражает:

«Собственники, лишённые руководства со стороны своих организаций, позволили себе поддаться страху и не разобрались в ситуации. Если бы они сделали это, большинство вернулось бы в свои фирмы, когда прекратилась стрельба на улицах, и хотя им пришлось бы пойти на многие уступки, им, возможно, удалось бы сохранить принцип частной собственности на предприятиях. Но они даже не попытались. Они ушли прежде, чем их попросили уйти. И ещё неизвестно, попросили ли бы их это сделать».

Альба утверждает, что если бы собственники вернулись, то они за короткий срок получили бы мощную поддержку. Многочисленный средний класс сплотился бы вокруг них, как только правительство было бы в определённой степени восстановлено. Однако, когда собственники бежали, никто уже не мог поддержать их⁴.

Марко Надаль и Виктор Альба согласны в том, что спустя недолгое время значительное число владельцев менее крупных фирм действительно вернулось назад, но процесс коллективизации уже шёл полным ходом. Марко Надаль, продолжая свой рассказ о появлении коллективов в Валенсийском регионе, отмечал:

“ «Другие [коллективные предприятия] возникали благодаря соглашениям между рабочими и собственниками... и рабочие, проявляя тактичность, в этих случаях оставляли собственнику те функции, какие он хотел, или делали его техническим советником при фабричном комитете, вместо того чтобы ставить его у станка...»⁵

Виктор Альба даёт сходный комментарий в отношении Каталонии: «Со временем часть владельцев, возможно до 30%, в фирмах среднего размера, но отнюдь не в крупных, вернулась, и их бывшие фирмы брали их на работу техниками, бухгалтерами и даже директорами, и в этом качестве они получали зарплату. Между этими нанятыми бывшими собственниками и их новыми товарищами по работе не было никаких значительных конфликтов»⁶.

В ряде случаев сами рабочие вызывали назад бывших владельцев, чтобы те управляли своими бывшими предприятиями под общим надзором рабочих комитетов. Так случилось на одном из главных литейных заводов в районе Барселоны, который был переоборудован для производства авиабомб⁷.

Виктор Альба также предположил, что существовала альтернатива конфискации фабрик, мастерских и торговых заведений рабочими. Этой альтернативой было вмешательство Хенералидада в работу предприятий в Каталонии и других правительств, включая республиканское, – в других частях лоялистской зоны⁸. Однако сразу после 19 июля ни одно правительство лоялистской Испании не имело достаточного авторитета и власти, чтобы предпринять подобный шаг, и даже если какое-либо из них рассматривало такое решение, прибегать к нему не стали. (Единственным исключением была национализация всех каталонских банков Хенералидадом через несколько дней после начала войны.)

Учитывая то, что промышленные и прочие предприятия были брошены владельцами, а правительства были неспособны немедленно предоставить замену предпринимателям, рабочие стали действовать по собственному усмотрению. Виктор Альба утверждает, что рабочих, по крайней мере отчасти, мотивировало беспокойство о том, как они получают свою зарплату в следующую субботу⁹. 19 июля приходилось на воскресенье, и через пару дней это стало проблемой, которая требовала решения.

Виктор Альба описал то, что происходило:

“ «Всё находилось в подвешенном состоянии. Обстановка выяснилась ко вторнику 21-го. В большинстве крупных фирм не было ни собственника, ни управляющего, иногда не было даже инженеров. Если бы предприятия перестали функционировать, что было бы тогда?

Двери были открыты, не благодаря собственнику или управляющему, пришедшему с ключами в руке, а благодаря какому-нибудь ночному сторожу... Люди были там. Они бродили повсюду, дезориентированные. Каждый был сам по себе. Некоторые фабрики начали работать, но чаще всего рабочие собирались небольшими группами и обсуждали то, что они услышали от тех, кто участвовал в уличных боях. Где-то в первой половине дня, после нескольких телефонных звонков или визитов в профсоюз, рабочие устраивали собрание на рабочем месте.

Инициативу иногда брал на себя профсоюзный делегат, в других случаях – рядовые члены. На этих собраниях, после пересказа известной информации (что собственника или управляющего нет дома и его местонахождение неизвестно), решали избрать комитет, который составит планы на текущий момент и вынесет их на следующее общее собрание... В этот же день прошли и другие собрания на многих предприятиях. На других они были проведены в начале следующего дня, среды 22-го... На всех этих собраниях – в Барселоне, на некоторых производствах Валенсии, в фабричных городах Каталонии... принималось решение, что рабочие должны взять на себя ответственность за предприятие, что управлять им будет выборный комитет и что будет поддерживаться контакт с профсоюзом»¹⁰.

Идеологический контекст движения по созданию коллективов

Очевидно, что национальные и региональные руководящие органы НКТ не играли никакой или почти никакой роли в принятии рабочими решений о конфискации предприятий. Действительно, по большей части даже с местным союзом в лучшем случае лишь консультировались, но он не направлял процесс, хотя были примеры, в Бадалоне и других провинциальных городах, когда синдикаты действительно брали на себя руководство.

Англоязычное издание Рабочей партии марксистского единства «Испанская революция» (The Spanish Revolution) критиковало недостаток централизованного руководства процессом коллективизации со стороны НКТ в это время: «НКТ, или анархистские профсоюзы, объединяющие наиболее радикальных рабочих, не смогли предоставить необходимого руководителя [так в тексте], чтобы решить проблемы революции. Столкнувшись с конкретными задачами, их утопизм показал свою несостоятельность. Отягощённые старыми концепциями и одновременно пытаюсь решать реальные повседневные проблемы, они фактически оставляют принятие всех решений на усмотрение определённых товарищей и местных комитетов. Это привело к беспорядочности и выдвиганию разрозненных инициатив, которые должны быть организованы»¹¹.

Однако то, что анархо-синдикалистское руководство не направляло процесс коллективизации, не означает, что анархическая идеология Национальной конфедерация труда не имела никакого значения в этом процессе. Как говорил Виктор Альба, бегство работодателей «создало исключительную возможность осуществить давние стремления профсоюзов. Необходимо подчеркнуть... это. Без желания – иногда неосознанного – стать хозяевами, без живых коллективистских традиций в сельской местности, без стремления анархо-синдикалистов преобразовать общество посредством синдикатов и превратить последние в администраторов экономики – без всего этого рабочие, решая свои проблемы, выбрали бы одну из других возможных альтернатив, каждая из которых была более простой и менее обременительной, чем создание комитетов предприятий»¹².

Интересно отметить, что по крайней мере некоторые из национальных лидеров анархистов не одобряли коллективизацию. К ним, в частности, относился Орасио Прието, который на момент начала войны был секретарём Национального комитета НКТ и находился в Стране Басков, где не было подобных захватов предприятий рабочими. После возвращения в Каталонию он испытал шок от того, что там происходило¹³.

Краткосрочное и долгосрочное значение коллективизации

Даже критики анархистов отдавали должное той роли, которую они сыграли в возобновлении работы экономики после подавления мятежа в тех частях Испании, где удержалась Республика. Например, Родольфо Льопис, социалистический лидер и главный помощник Франсиско Ларго Кабальеро во время его премьерства, отмечал, что после 19 июля государство фактически исчезло и, благодаря наличию сильного профсоюзного движения, профсоюзы смогли принять на себя управление производством, создать коллективы и наладить работу экономики. Он говорил, что анархисты внесли в это дело большой вклад. Однако у него оставались сомнения относительно того, было ли коллективов достаточно, чтобы вести войну¹⁴.

Луис Портела, во время войны бывший лидером Рабочей партии марксистского единства в Валенсии, также говорил, что коллективизация спасла экономику Республики в начале

войны¹⁵.

Исследователи Гражданской войны из анархического лагеря соглашались с важностью коллективов для продолжения функционирования экономики республиканской Испании, однако они не разделяли сдержанности Родольфо Льописа по поводу их дальнейшей роли. Так, Гастон Леваль утверждал: «Индустриальная коллективизация, синдикализация промышленности и коммунальных служб, аграрная социализация, которые позволили нам сопротивляться почти три года и без которых Франко восторжествовал бы в течение нескольких недель, были делом рук либертариев, которые создавали и организовывали, не обращая внимания на министров и министерства»¹⁶.

Отношение анархистов к средним слоям

Некоторые наблюдатели, которые в основном положительно оценивали революцию, осуществлённую на начальных стадиях Гражданской войны анархистами и их левосоциалистическими и поумистскими союзниками, и которые впоследствии много о ней писали, полагали, что революционеры допустили роковую ошибку в своём отношении к среднему классу. Можно привести мнения двух таких авторов.

Бернетт Боллотен был корреспондентом «United Press» в лоялистской Испании в 1936–38 гг., посвятил значительную часть своей жизни собиранию материалов о войне и революции и написал две книги по этой теме, затрагивающие, в частности, борьбу между анархистами и сталинистами во время конфликта. Он говорит:

“ «К ужасу тысяч ремесленников, мелких фабрикантов и торговцев, их контракты и их оборудование экспроприировались профсоюзами анархо-синдикалистской НКТ и часто – несколько менее радикальными профсоюзами социалистического ВСТ... Одним словом, профсоюзы посягали на интересы среднего класса почти во всех областях. Лавочники, парикмахеры и пекари, сапожники и столяры, модистки и портные, кирпичники и строительные подрядчики – вот лишь некоторые из профессий, неумолимо захваченных коллективизационным движением в бесчисленных городах и сёлах.

Неудивительно, что во время первой волны этих революционных потрясений мелкие предприниматели и дельцы считали себя разорёнными, поскольку, даже когда анархо-синдикалисты проявляли уважение к собственности маленького человека, некоторые среди них поясняли, что это лишь временная снисходительность, пока продолжается война»¹⁷.

Виктор Альба во время войны был журналистом Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) и имел возможность лично наблюдать процессе коллективизации. Он написал две

объёмных рукописи, рассматривающих этот процесс с сочувственной точки зрения. Однако он соглашается с Боллотеном и разъясняет последствия такого отношения анархистов к среднему классу.

Альба пишет, что это было фундаментальной ошибкой анархистов – «не привлечь на свою сторону средний класс. Без поддержки среднего класса кампания коммунистов против коллективизации не нашла бы отклика, им не удалось бы убедить Негрина (поскольку он не видел бы в этом выгоды для себя) отправить золото в Москву, и у них не было бы кадров и средств, чтобы навязывать советскую политику».

Альба доказывает, что у анархистов была возможность проводить

“ «политику привлечения среднего класса. Им следовало поступить так – это было вполне возможно без ущерба для интересов рабочих и даже с выгодой для них. Они могли бы включить в свои ряды добрую часть среднего класса, чтобы установить постоянные отношения между частными предприятиями – мелкой и средней категории – и коллективизированной экономикой, используя услуги профессионалов.

В итоге они этого не сделали, возможно потому, что они отождествляли средний класс с худшими элементами в политике, и потому, что именно находившийся у власти средний класс – по многим причинам – преследовал рабочее движение в период Республики»¹⁸.

Анархисты, конечно, не оставляли попыток получить поддержку низшего среднего класса. Джон Лэнгдон-Дэвис, британский журналист, процитировал в связи с этим обращение НКТ к мелкой буржуазии, изданное в начале августа 1936 г.:

“ «Необъясним тот страх, который испытывает по отношению к нам мелкая и умеренная буржуазия, – то, что капиталисты, миллионеры, плутократы, помещики боятся нас, логично, поскольку они воплощают собой несправедливость и представляют привилегированные классы. Но скромные буржуа, мелкие дельцы и мелкие промышленники, ясно должны видеть, что мы им не враги... В Каталонии мелкая буржуазия составляет значительную долю общества. Мы не хотим недооценивать её социальную функцию. Мы верим, что в созидании нового общества, которое рождается на наших глазах, эта группа будет важнейшей деталью мощного механизма, который ковали рабочие начиная с того момента, как 19 июля капитализм ушёл в небытие...»¹⁹

Однако на практике анархисты слишком часто не уделяли внимания интересам и мнениям среднего класса, и это оказало негативное воздействие, особенно с политической точки зрения, на проведение преобразований, в которых они были заинтересованы.

Инновации в коллективах

Коллективами были произведены значительные технологические и организационные улучшения в производстве. Самым поразительным примером первых было быстрое создание военной промышленности, обеспечивавшей оружием и снаряжением милицию и новую республиканскую армию.

Организационные изменения, главным образом, принимали форму преобразования кустарных производств в фабричные, особенно в Каталонии. В течение нескольких месяцев в Каталонии возникло около 36 таких «больших» коллективов, сформированных путём объединения небольших мастерских в крупные предприятия, которые можно было организовать более эффективно. Среди них были организации деревообрабатывающей, молочной, овощной и мебельной промышленности. Эта политика временами вызывала сопротивление со стороны некоторых коллективов меньшего размера, созданных сразу после начала войны. Рабочие в коллективах, которые были преуспевающими в финансовом плане, иногда не хотели сливаться с теми, которые испытывали затруднения²⁰.

Эта тенденция к консолидации и рационализации производства под рабочим контролем не ограничивалась одной Каталонией. В Валенсии профсоюзный пленум НКТ в декабре 1936 г. постановил: «Особенность большинства [частных] производителей, определённая недостатком технико-коммерческой подготовки, помешала им осуществить последний эксперимент – группировку крупных предприятий для достижения лучшей технологии и более рациональной эксплуатации. Поэтому... социализация, предложенная нами, должна исправить дефекты системы и организаций в пределах каждой отрасли...»²¹

Внутренняя структура коллективов

Хотя от одного коллектива к другому наблюдались некоторые различия, вскоре сложилась более или менее общая схема их внутренней организации. Виктор Альба описывал её на примере Каталонии:

“ «Собрание всех рабочих и служащих предприятия выбирало контрольный комитет или комитет предприятия, от пяти до десяти человек. Теоретически обе центральные профсоюзные организации были представлены в комитете пропорционально численности своих членов на предприятии. Но на большинстве предприятий до мая 1937 г. не было членов ВСТ, или их было так мало, что они не создавали отделение своего профсоюза. Положение изменилось после майских событий 1937 г., когда, благодаря победе на улицах противников НКТ, ВСТ достиг успеха в формировании на многих предприятиях неких подобий профсоюзного отделения, состоявших из более робких или менее политизированных рабочих, которые до войны были индифферентными или прихвостнями работодателей».

В этом отношении ситуация в Левантийском регионе существенно отличалась. ВСТ к началу войны был здесь намного сильнее, чем в Каталонии, и большая его часть находилась под контролем социалистов фракции Ларго Кабальеро. Как мы увидим в следующих главах, ВСТ в этом регионе часто с энтузиазмом сотрудничал с НКТ в создании коллективов.

Возвращаемся к организационной структуре коллективов в изложении Виктора Альбы:

“ «В комитетах должны были быть представлены все подразделения предприятий: администрация, склад, различные производственные сектора, цеха и т.д. Синдикаты настаивали на этом, не только потому, что видели в этом способ заинтересовать в профсоюзной жизни элементы, ранее ею не охваченные – в первую очередь служащих, – но и потому, что среди этих элементов были люди, благодаря своим знаниям незаменимые в комитете предприятия, такие как бухгалтеры и техники. В результате большинство во многих комитетах составляли новоиспечённые или не слишком ревностные сэнэтисты, однако согласующей силой и “душой” комитета были старые профсоюзные активисты.

В комитетах вообще было мало людей моложе 30 лет; молодёжь скоро оказалась на фронте. Вместе с ней со многих предприятий ушли воображение, воодушевление и самоотверженность молодости».

Комитет выбирал директора предприятия. Этот человек, однако, работал под пристальным надзором комитета предприятия и должен был передавать все важнейшие решения на его рассмотрение.

Выбор директора часто был трудным делом, потому что те, кто занимали руководящие посты раньше, не всегда пользовались доверием рабочих. Однако там, где отношения между рабочими и администрацией были хорошими, на эту должность мог быть избран прежний управляющий и даже, в ряде случаев, бывший собственник. Также часто избирались служащие, бухгалтеры и другие сотрудники, имевшие необходимые знания и опыт²².

Альба завершает своё описание внутренней организации коллективов замечанием:

“ «Управление на большинстве предприятий было не очень сложным, благодаря их небольшому размеру. Рабочие, получившие определённый опыт руководства в своих профсоюзах, вполне логично заключали, что они смогут управлять и предприятием, на котором они работают»²³.

Сиприано Дамиано, журналист НКТ времён Гражданской войны, хорошо знакомый с коллективами Барселоны, отмечал, что все важные решения принимались общими собраниями рабочих, которые проводились регулярно и при широкой явке. Дамиано говорил, что если бы управляющий сделал то, на что не был уполномочен собранием, его, скорее всего, сместили бы на следующем собрании. Он добавлял, что синдикаты по-

прежнему существовали и управляющие советовались с ними²⁴.

Коллективы и проблемы военного времени

Анархические городские коллективы сталкивались со множеством проблем, порождённых теми исключительными обстоятельствами, которые существовали после 19 июля 1936 г. Были и другие трудности, возникшие в процессе самой коллективизации.

Одной из главных проблем, которые стояли перед коллективизированной промышленностью лоялистской Испании, было то, что к началу Гражданской войны страна ещё не оправилась от Великой депрессии. Одним из наиболее очевидных её последствий, с которыми приходилось иметь дело рабочим коллективам, была безработица. Гастон Леваль подсчитал, что в одной только Каталонии было по меньшей мере 200 тысяч безработных рабочих²⁵. Как мы увидим в последующих главах, коллективам удалось вернуть значительное число из них к работе, вновь открыв остановившиеся предприятия или цеха. Но во многих других случаях, следуя эгалитарным принципам, коллективы считали себя обязанными выдавать обычную зарплату своим товарищам, даже если те не работали.

Гастон Леваль привёл в качестве примера рабочих-строителей Барселоны. В результате Гражданской войны в этой отрасли была низкая занятость. Но правительство Каталонии решило, что строителям будут выдавать зарплату, даже если они не работают. Когда строительный профсоюз НКТ решил, что это следует прекратить, и попытался найти своим членам другое занятие, сталинистский Всеобщий союз трудящихся создал собственный профсоюз строителей и пообещал, что его члены продолжат получать свою зарплату, не будучи обязанными работать. Таким образом, попытка профсоюза НКТ решить эту проблему провалилась, по крайней мере в этот раз²⁶.

Жозеп Мария Брикаль отмечает, что в Каталонии «проблема борьбы с безработицей утратила важность к концу 1937 г., вследствие декретов о мобилизации». В сентябре и октябре 1937 г. каталонское правительство – куда больше не входили анархисты и где было заметным влияние сталинистов – издало декреты, гласившие, что рабочие промышленности и торговли, до сих пор получавшие установленное пособие по безработице от Бюро регулирования выплаты зарплат, подлежат «гражданской мобилизации по распоряжению президента Хенералидада». Они должны были быть направлены «на те работы, для которых они были квалифицированы, в особенности на возведение укреплений и прочие военные цели». Те, кто уклонялся от мобилизации, лишались пособия²⁷.

Другая трудность, поставленная ситуацией, в которой оказались новообразованные коллективы, то есть Гражданской войной, заключалась в необходимости переоборудовать многие предприятия лоялистской Испании для военного производства. Диего Абад де Сантильян комментировал: «Необходимость решать задачи... войны, которая с каждым днём приобретала всё большее значение и которую обслуживала бóльшая часть производства, полностью поглощала энергию большинства сознательных и квалифицированных

представителей пролетариата»²⁸.

Связанной проблемой была нехватка сырья, которая вскоре возникла в республиканской Испании. Она возникла из-за относительной бедности республиканской зоны ресурсами и усиливающейся блокады лоялистской Испании, не только испанским флотом, который удалось захватить силам Франко, но и флотами фашистской Италии и нацистской Германии.

Лидер анархистов Диего Абад де Сантильян описывал эту проблему: «Мы с первого же дня столкнулись с тревожной нехваткой сырья в регионе, который не был богат им. У нас, например, совсем не было угля для промышленности и транспорта. Нормальное потребление для Каталонии составляло пять или шесть тысяч тонн в день, а те немногие шахты низкосортного угля, которые у нас эксплуатировались, даже с интенсификацией добычи давали только триста тонн»²⁹.

Ещё одной проблемой, с которой столкнулись коллективизированные производства, была узость рынков. В начале Гражданской войны в руках Республики остались наиболее индустриализованные части Испании. До 19 июля 1936 г. рынок сбыта промышленности включал в себя всю нацию. Однако после того, как силы мятежников захватили контроль примерно над половиной страны, промышленность Каталонии и Леванта оказалась отрезана от рынка, где сбывалась значительная часть продукции её предприятий. Снижение занятости и финансовые проблемы – вот лишь два из осложнений, к которым привела эта ситуация для коллективов.

И ещё одной проблемой, выросшей из войны, было физическое уничтожение части экономики республиканской Испании. Воздушные силы Франко, состоявшие главным образом из итальянских и немецких машин и лётчиков, совершали массированные налёты на Барселону, Валенсию и другие лоялистские города. Некоторые из этих налётов наносили значительный ущерб промышленным предприятиям, а также железнодорожным узлам и жилым районам.

Уже в январе 1937 г. член Национального комитета НКТ Мариано Кардона Росель отмечал масштабы этих разрушений: «В различных зонах страны находятся сотни фабрик, мастерских, магазинов и т.д., которые полностью или частично разрушены после вражеской бомбардировки. И на этих фабриках и прочих рабочие получают свою зарплату, не работая. Примите во внимание тот факт, что затронуты сотни и тысячи рабочих»³⁰.

Общая экономическая ситуация республиканской Испании ухудшалась по мере продолжения Гражданской войны. Раскол страны на две части привёл к нехватке всего на свете, не только сырья и рынков сбыта, но также и продовольствия. Результатами этого стали увеличение инфляции, обесценивание республиканских денег (что ещё больше усиливало инфляцию, поскольку дело касалось импортированных товаров) и рост чёрного рынка. Рональд Фрейзер отмечает, что цены в Каталонии выросли на 47% в первые полгода войны и ещё на 49% в следующие полгода³¹. Эти проблемы приходилось решать коллективам и непосредственно НКТ.

Проблемы, связанные с коллективизацией

Кроме этих проблем, являвшихся результатом войны и общей экономической ситуации в стране, бесчисленные трудности возникли в самом процессе коллективизации. Сюда входили неподготовленность НКТ, с точки зрения её организации, к внезапному возникновению тысяч коллективов, созданных её рядовыми членами; рост того, что мы условно назовём «фабричным патриотизмом»; проблемы дисциплины труда; нехватка подготовленных кадров; недостаточность источников финансирования коллективов; проблема отношений коллективизированной части экономики с частным и государственным сектором. Ещё один серьёзный вопрос был связан со статусом предприятий, принадлежавших иностранному капиталу. Наконец, коллективы сталкивались с постоянной и нарастающей оппозицией противников анархистов, в первую очередь сталинистов, за которыми следовали некоторые элементы из Социалистической партии и ВСТ, а также партии и организации среднего класса.

Несоответствие организационной структуры НКТ

Как мы видели, внезапное появление коллективов, сформированных рядовыми сэнэтистами, которые взяли в свои руки большинство крупных заводов и значительную часть торговли и других видов экономической деятельности, оказалось полной неожиданностью для национального и регионального руководства Национальной конфедерации труда. Что ещё более важно, существовавшая на тот момент организационная структура НКТ совершенно не подходила для этой ситуации.

Большинство организаций НКТ создавались на местной, региональной или национальной основе. Самой мелкой единицей была группа рабочих на фабрике, в торговой фирме или ремесленной мастерской. Рабочие одной отрасли или вида деятельности объединялись в местный союз, или синдикат. Эти синдикаты формировали местную федерацию.

В некоторых случаях местные федерации объединялись в комаркальную федерацию, в других – следующей ступенью иерархии была провинциальная федерация. Провинциальные и комаркальные федерации соединялись в региональные конфедерации, которые, вместе взятые, образовывали Национальную конфедерацию труда.

Недостающим звеном этой структуры, которое позволило бы справиться с внезапным возникновением коллективов, была серия национальных отраслевых федераций. Создание подобных организаций больше полутора десятилетий было предметом долгих и порой горячих дискуссий в рядах анархистов.

Первая попытка образовать национальные федерации потерпела неудачу на конгрессе НКТ в начале 1920-х. И хотя конгресс 1931 года одобрил эту идею, к началу Гражданской войны мало что было сделано для проведения этого решения на практике.

Если бы существовала система национальных отраслевых федераций, объединяющих на национальном уровне все местные союзы определённой промышленной или иной отрасли, можно было бы в сравнительно короткий срок образовать местные, региональные и национальные организации коллективов, созданных членами этих федераций. Однако, ввиду отсутствия национальных отраслевых союзов, каждый коллектив был вынужден действовать по собственному усмотрению, за исключением тех случаев, когда местные союзы осуществляли координацию коллективов. Насколько мне известно, не было ни одного случая, когда городские коллективы объединялись на региональной основе, за возможным исключением Астурии.

Руководство НКТ вскоре остро почувствовало эту организационную слабость своего движения. К примеру, в январе 1937 г. М. Кардона Росель, выступая в Барселоне, заявил: «Коллективизация – это вынужденный шаг, начало социализации; и теперь пролетариат в больших и малых городах занят большой и сложной задачей по созданию в законченном виде своих отраслевых федераций, на региональной и национальной основе. Отраслевые федерации, безусловно, являются необходимым шагом, обязательной мерой для достижения социализации... Сейчас крайне необходимо создать отраслевые федерации... Этого требует Революция, а все нужды Революции являются неотложными»³².

В марте 1937 г. Региональный конгресс НКТ Каталонии принял резолюцию о создании отраслевых союзов на региональном уровне. Предусматривалось создание двенадцати таких организаций³³. Мы увидим в последней главе этой части, что Национальный экономический пленум НКТ, прошедший в Валенсии в январе 1938 г., в итоге принял план объединения коллективов под началом национальных отраслевых союзов. К тому времени, однако, было уже слишком поздно.

Фабричный патриотизм

Одним из результатов отсутствия местной, региональной и национальной координации коллективов стало быстрое развитие фабричного патриотизма. Это явление описывали и анархисты, и неанархисты.

Виктор Альба отмечал в октябре 1937 г.: «Мы можем видеть, что в некоторых группах рабочих коллективизировать фабрику или отрасль – означает лишь присвоить её себе, не принимая во внимание ни нужды войны и общую организацию производства, ни то, нуждаются ли другие отрасли в сырье, которым они обладают. Были синдикаты, которые поверили в то, что коллективизация сводится к присвоению предприятия, находящегося в частной собственности... Конфискация или социализация производства всегда должна проводиться не в пользу синдиката или одной группы рабочих, но в пользу всего пролетариата»³⁴.

Французский анархист Гастон Леваль отмечал тот же феномен. Он писал: «Много раз, в Барселоне и Валенсии, рабочие того или иного предприятия принимали во владение фабрику, рабочие помещения, машины, материалы и, пользуясь тем, что при поддержке правительства продолжала существовать денежная и товарная экономика капиталистической системы, организовывали производство к собственной выгоде, получая прибыль от продажи своей продукции... Такая практика приносила не подлинную социализацию, а некий вид рабочего неокапитализма...»³⁵

М. Кардона Росель отмечал два других аспекта этой проблемы, которые он назвал «профессиональным пониманием» и «местническим подходом». Он говорил, что некоторые рабочие были склонны смотреть на всё с точки зрения того, что было хорошо для их собственной отрасли, игнорируя экономику в целом. Также была тенденция, когда рабочие одной части страны думали преимущественно, если не исключительно о том, что было хорошо для их региона, а не об общем благосостоянии республиканской Испании или об интересах всего рабочего класса³⁶.

Орасио Прието, бывший национальный секретарь НКТ, ещё более резко критиковал то, что мы обозначили как «фабричный патриотизм». В январе 1938 г. он говорил: «Коллективизм, которым мы живём в Испании, – это не анархический коллективизм, это создание нового капитализма, более неорганичного, чем прежняя капиталистическая система, которую мы разрушили... Богатые коллективы отказываются признавать какую бы то ни было ответственность, обязанности или солидарность по отношению к бедным коллективам... Никто не понимает сложности экономики, зависимости одной отрасли от другой»³⁷.

Ясно, что проблема фабричного патриотизма усугублялась отсутствием внутри НКТ механизма для координации действий разрозненных коллективов. Кроме того, в одних секторах экономики указанная проблема проявлялась больше, чем в других. В ряде случаев местным профсоюзам удавалось если не устранить, то по крайней мере ограничить это явление, как, по-видимому, произошло в текстильной промышленности Бадалоны.

Проблема дисциплины труда

Перед рабочими, избранными в руководство коллективов, неизбежно вставала проблема дисциплины труда. После того, как с предприятий исчезли собственники и старые управляющие, а также их методы поддержания дисциплины, у некоторых рабочих-членов коллективов возникал соблазн делать то, что они пожелают, не думая о последствиях этого для благосостояния своих товарищей по работе и коллектива в целом. С другой стороны, принимая во внимание традиционный аргумент анархистов, что солидарности вполне достаточно, чтобы гарантировать, что в послереволюционном обществе не будет никаких проблем с дисциплиной труда, некоторые рабочие, отвечавшие за координацию и управление в коллективах, испытывали понятное нежелание вводить какие-либо правила и инструкции – и наказания – для своих товарищей.

Виктор Альба отмечал, что, по крайней мере в первые несколько недель, изначальный энтузиазм рабочих в отношении коллективизации и их убеждённость в том, что они строят

новое общество, сводили проблему дисциплины труда к минимуму. Однако, когда этот период миновал, встал вопрос: «Как поддерживать дисциплину без снижения энтузиазма, чтобы рабочие не стали в итоге говорить, что они только сменили хозяев?..» Альба объясняет происходившее:

“ «Использовались разные методы, согласно подходу каждого комитета и в соответствии с сознательностью комитета в данном вопросе. Были и те, кого это не волновало, и те, кто фактически действовали как новые собственники; таких было меньшинство, и рабочие иногда отзывали их, если видели что пары накрыли их с головой или что они пожертвовали всем ради эффективности.

Наиболее распространённым решением было созывать частые собрания, чтобы рассказать рабочим о ситуации, выслушать их предложения и обсудить с ними проблемы и их возможные решения. Самые активные и молодые работники каждого предприятия ушли на фронт. После этого остались старые активисты... и неактивное большинство. Влияние старых активистов, понятное дело, было решающим».

Альба заметил, что было сложно предугадать, сохранят ли такие собрания свою эффективность, если война закончится победой Республики и больше не будет чрезвычайных условий, подкрепляющих призыв к добровольной дисциплине труда³⁸.

Рональд Фрейзер приводит интересный случай, о котором ему рассказал Луис Сантакана, лидер текстильного коллектива «Эспанья Индустриаль» в Каталонии. Один рабочий был пойман на краже гаечного ключа, и Сантакана провёл с ним воспитательную беседу, говоря, что теперь он ворует не у хозяина, а у своих же товарищей. Однако через пару недель тот же самый человек украл другой ключ, и, как говорил Сантакана: «Коллектив... не стал бы его выгонять, потому что у него были дети и ему нужна была его недельная зарплата. Вместо этого мы решили перевести его на новое место, в отдел очистки. Но об этом требовалось дать публичное уведомление».

Сантакана сказал рабочему:

“ «Ты напишешь на доске своё полное имя, а под ним – что ты украл два гаечных ключа и это причина твоего перевода на участок, где у тебя больше не будет возможности воровать». Хотя рабочий протестовал против такого, как он считал, унижения, он был вынужден сделать так, как требовал Сантакана. После этого, по словам Сантаканы: «Больше не было случаев нарушения дисциплины; угроза доски была достаточной»³⁹.

В заключительной главе мы увидим, что на Национальном экономическом пленуме НКТ в январе 1938 г. проблеме дисциплины труда было уделено большое внимание, и пленум вынес по этой проблеме более суровые решения, чем можно было ожидать от анархической организации.

Нехватка квалифицированного персонала

Одно из препятствий, в некоторых отраслях более серьёзное, чем в других, представляло собой отсутствие достаточного числа управленческих и технических кадров. Причина этого заключалась не только в том, что исчезли бывшие работодатели, но и в том, что во многих случаях технические кадры высшего звена на заводах, захваченных рабочими, не хотели участвовать в коллективах.

Гастон Леваль писал: «По нашему впечатлению – принимая во внимание характер работы в металлургии, где технологические проблемы гораздо более важны и гораздо чаще возникают, чем в других отраслях (деревообработке, например), – здесь ощущалась нехватка инженеров и специалистов, способных нести ответственность за производственный организм. Компетентных специалистов недоставало в военной промышленности, в машиностроении. Пролетарский энтузиазм не мог восполнить незнание математики»⁴⁰. Жозеп М. Брикаль также отмечает: «“Рабочая солидарность” публиковала непрерывные мольбы о техниках, из-за недостатка в них, который начала испытывать каталонская промышленность»⁴¹.

В некоторых случаях проблему решали, оставляя бывшего владельца управляющим коллектива. Это особенно часто происходило в относительно небольших фирмах. Рональд Фрейзер процитировал Жоана Феррера, секретаря союза работников торговли НКТ в Барселоне, который посетил множество рабочих собраний, убеждая их взять на себя заботу о предприятиях: «Очень часто владелец также обращался к собранию и едва не доводил всех до слёз рассказом о тех жертвах, на которые ему пришлось пойти, чтобы построить фирму, – только для того, чтобы теперь видеть её находящейся под угрозой коллективизации. В таких случаях я всегда предлагал собранию сделать его управляющим директором, так как рабочий совет в любом случае должен был кого-то назначить. Моя идея заключалась в том, что бывший владелец был наиболее подходящим человеком, потому что он, с его капиталистическим эгоизмом, будет следить за предприятием и удостоверится, что всё работает так хорошо, как только можно; он, вне всякого сомнения, будет надеяться, что однажды вернёт свою собственность. Моё предложение почти всегда принималось»⁴².

Этот вопрос также привлёк определённое внимание на Национальном экономическом пленуме НКТ. Были приняты различные предложения по созданию школ технической подготовки.

Политика в отношении заработной платы

Одной из проблем, с которыми пришлось столкнуться коллективам, был порядок оплаты труда их членов. Анархические профсоюзы были априорно настроены на то, что заработная плата должна зависеть от размера семьи работника и выплачиваться всем на равных основаниях. Однако, как мы увидим в последующих главах, широко была распространена тенденция оставлять без значительных изменений те различия в зарплатах, которые существовали до 19 июля 1936 г. Коллективы посчитали это необходимым, чтобы склонить к сотрудничеству техников и служащих.

В Каталонии Хенералидад, возможно чтобы завоевать симпатии анархистов, бесспорно господствовавших в регионе, в конце июля 1936 г. издал декреты, устанавливавшие 40-часовую рабочую неделю и на 15% повышавшие зарплату всем, чей доход был ниже 6 000 песет в год⁴³. Однако далеко не все анархисты одобряли подобные меры. Хуан Пейро в газете «Свобода» (Libertat), издававшейся в Матарó, в номере от 9 августа 1936 г. заявил, что сокращение рабочего времени «не могло бы быть более несвоевременным»⁴⁴. Со своей стороны, барселонская федерация НКТ «рекомендовала увеличить производство и не домогаться нового повышения зарплаты или сокращения рабочего дня, поскольку нужно было думать не о том, как достичь частичных улучшений, а как взяться за решение основной проблемы через социализацию собственности». Жозеп Мария Брикаль отмечает, что многие профсоюзы аннулировали эти декреты – в первую очередь тот, что касался сокращения рабочего времени⁴⁵.

После устранения анархистов из каталонского правительства, в октябре 1937 г., была создана Комиссия по регулированию зарплат, подчинённая главе Департамента экономики Хуану Коморере. Она должна была определять минимальный и максимальный уровень заработной платы, а также устанавливать систему дифференциации ставок⁴⁶. Тем не менее не совсем ясно, до какой степени каталонское правительство могло влиять на оплату труда в рабочих коллективах.

Отсутствие источников финансирования

Одна из наиболее серьёзных проблем, стоявших перед коллективами, вытекала непосредственно из идеологии анархистов. Это было отсутствие сети финансовых учреждений, обслуживавших их.

Испанские анархисты перед Гражданской войной, безусловно, воспринимали банки и кредитное дело как капиталистический институт, неприемлемый для либертарной экономики. Поэтому они мало внимания уделяли организации банковских служащих и не имели никаких планов относительно банков и их роли в послереволюционной экономике. В начале войны единственный профсоюз банковских работников входил в ВСТ, и Бернетт Боллотен охарактеризовал его как «вотчину левого социалиста Амаро дель Росаля, сторонника коммунистов»⁴⁷. Хотя НКТ впоследствии организовала собственный профсоюз банковских работников, было уже поздно.

Такое отношение анархистов сохранялось некоторое время и после начала Гражданской войны. Так, М. Кардона Росель, выступая в январе 1937 г., утверждал:

“ «В какой степени осознана социализация и отвергнут капиталистический порядок, в такой же степени институты, которые являются фундаментально капиталистическими, подвергнутся замене или полному преобразованию, и на смену им должны прийти иные организмы»48.

В Каталонии, где анархисты, через свои профсоюзы и Совет милиции, контролировали бóльшую часть экономики в первый период войны, банковская система осталась в руках правительства. Меньше чем через неделю после начала войны Хенералидад издал декрет о регулировании работы всех банков. Контроль над ними был поручен правительственному Генеральному комиссариату банков и Федерации банковских работников ВСТ49. Рональд Фрейзер комментирует эту проблему:

“ «В своём революционном броске на завоевание средств производства... каталонские либертарики упустили один весьма “материальный” компонент власти – финансы. Хенералидад не утратил контроля над банковскими и финансовыми институтами Каталонии, которые оставались под надзором профсоюза банковских служащих ВСТ. Хенералидад сразу же назначил, по согласованию с профсоюзом, своих представителей в каждом банке, чтобы контролировать операции и предотвратить утечку капитала. Профсоюз с буквальной точностью выполнял все инструкции, изданные советником по финансам Хенералидада и центральным правительством...»

Перефразируя мнение Жоана Гримальбо, видного члена профсоюза банковских работников ВСТ во время войны, Фрейзер отмечает:

“ «“Упущение” каталонских либертарики, возможно, было не таким значительным, как это часто предполагалось. Довоенной Каталонии никогда не удавалось “обналичить” свой индустриальный вес и направлять политику испанского государства; буржуазии для этого не хватало одного атрибута – банков и финансового капитала. Теперь, почти по той же самой причине, каталонская революция не могла “обналичить” свой особый вес; она не контролировала финансовые ресурсы страны – это делал Мадрид. Тем не менее это “упущение” открывает нам некую двойственность либертарной революции; золото банков для капитализма является тем же, чем является организованное принуждение, полиция, суд и армия, для государства – высшей властью. Республика на время потеряла возможность использовать второе, но удержала первое. Либертарная революция не получила ни того, ни другого»50.

Практически с самого начала некоторые из коллективов столкнулись с финансовыми проблемами. Немалое число предприятий, захваченных рабочими, уже находилось в

состоянии банкротства, или близком к нему, из-за депрессии. Другие вскоре начали испытывать трудности с финансами, по разным причинам, и нуждались в получении кредита из банка или другого источника. Если бы существовали общая координация коллективов и некий финансовый институт в структуре НКТ, эти проблемы не представляли бы никакой угрозы ни для отдельных коллективов, ни для коллективной системы в целом. Однако их отсутствие ставило под угрозу весь эксперимент с коллективизацией.

Те, кто был настроен против коллективов, использовали отсутствие у НКТ учреждений для их финансирования, чтобы подорвать или разрушить контролируемые рабочими предприятия. Среди этих врагов коллективов первое место занимал Хуан Негрин, который, и в качестве министра финансов в правительстве Франсиско Ларго Кабальеро, и в качестве преемника Ларго Кабальеро на посту премьер-министра, прилагал все усилия, чтобы помешать им успешно функционировать и, если возможно, уничтожить их.

Виктор Альба говорит относительно работы Негрина против коллективов:

“ «Нет сомнений в том, что Министерство финансов... могло бы установить монополию внешней торговли, не вопреки коллективам, а в согласии с ними, приобретая таким образом иностранную валюту для страны, поощряя рабочих к увеличению производства и вызывая у них чувство, что они работают на себя и на страну, а не на собственников. Оно могло попытаться сделать то, что сделал Хенералидад своим декретом о коллективизации 1936 г., то есть скоординировать коллективы, отвести синдикатам определённую роль в этой координации и в то же время оставить за государством некоторые руководящие функции. Оно могло обеспечить коллективам кредит... Но Негрин вовсе не был в этом заинтересован... он был заинтересован в разрушении всего, чего достигли рабочие...»⁵¹

Этот финансовый саботаж Негрина усилился после того, как республиканское правительство перебралось в Барселону в октябре 1937 г. Он заставил не слишком сопротивлявшееся правительство Каталонии, которое к тому времени в значительной степени контролировалось сталинистами, передать республиканскому правительству те фонды от прибыли каталонских коллективов, которые были размещены в Кассе промышленного и торгового кредита, созданной каталонским декретом о коллективизации. Согласно декрету, эти фонды должны были использоваться для инвестиций в коллективы⁵².

Эта проблема также рассматривалась Национальным экономическим пленумом НКТ в январе 1938 г. На нём была одобрена идея о создании под эгидой НКТ Иберийского синдикального банка (Banco Sindical Ibérico) для финансирования коллективов. Но это решение, опять же, было запоздалым.

Отношения с частным сектором

Хотя рабочие взяли под свой контроль существенную долю городской экономики республиканской Испании, важная её часть оставалась в руках частных фирм. Виктор Альба приводит оценки, согласно которым даже в Каталонии, где больше всего были распространены городские коллективы, почти половина рабочих продолжала трудиться на частных предприятиях⁵³.

Рабочие, которые захватили многие промышленные и другие экономические организации, должны были продолжать деловые отношения с существующими частными фирмами. Во многих случаях частные фирмы являлись либо покупателями продукции коллективов, либо поставщиками материалов и товаров для них.

Контакты с частным сектором имели определённую важность и в другом разрезе. По мере роста экономических трудностей в Республике расширялся чёрный рынок, и коллективы иногда выступали на нём как продавцы либо как покупатели.

Национальный экономический пленум НКТ не оставил без внимания и проблему чёрного рынка. Он постановил организовать в больших и малых городах Республики распределительные центры, чтобы сдерживать инфляцию и бороться со спекуляцией. Но оставалось слишком мало времени для того, чтобы эти решения возымели действие.

Проблема иностранных предприятий

Захват рабочими фирм, принадлежавших испанцам, не создавал особых проблем в международных отношениях Республики. Однако в случае с коллективами, которые были созданы после 19 июля на предприятиях, принадлежавших иностранным фирмам или инвесторам, дело обстояло иначе.

Конфискация таких компаний рабочими влекла за собой по крайней мере две проблемы для Республики. С одной стороны, подобные действия приводили к тому, что иностранные фирмы, испанские филиалы которых были захвачены их рабочими, мобилизовывали свои силы против республиканского дела в Гражданской войне.

Более непосредственную угрозу республиканской экономике создавала вероятность того, что любая продукция конфискованных иностранных фирм, отправляемая для продажи за границу, могла стать предметом судебных исков. «Материнская компания» в Великобритании, Франции или любой другой стране могла утверждать, что продукция коллектива фактически принадлежит ей. Подобные случаи рассматриваются в последующих главах.

Лидеры НКТ не собирались игнорировать проблему конфискации иностранных фирм. Действительно, уже 28 июля 1936 г. «Рабочая солидарность» опубликовала список британских фирм в Барселоне, призывая их рабочих не совершать конфискаций⁵⁴. Несколько месяцев спустя М. Кардона Росель, в своей речи, произнесённой в январе 1937 г., предложил, чтобы в случае, если рабочие всё же захватили иностранную фирму, бывшим собственникам была выплачена компенсация за их инвестиции в Испании⁵⁵.

Однако НКТ не придерживалась какого-то общего принципа в отношении этой проблемы. Как правило, рабочие НКТ не провозглашали полную конфискацию предприятий, принадлежавших иностранцам, а вместо этого избирали комитет, чтобы «контролировать» операции фирмы. Тем не менее, как будет отмечено в следующих главах, в которых случаях иностранные предприятия были полностью захвачены рабочими, даже если первоначально это не входило в их намерения.

Оппоненты коллективизации

Наконец, существовали препятствия, поставленные на пути коллективов теми элементами в Республике, которые полностью отвергали идею рабочего контроля на предприятиях. Мы уже отметили усилия Хуана Негрина, как министра финансов и премьер-министра, направленные на подрыв и уничтожение коллективов. Однако Хуан Негрин был лишь одним звеном в оппозиции, сложившейся против рабочих предприятий НКТ.

Сталинисты из Коммунистической партии Испании (КПИ) и Объединённой социалистической партии Каталонии (ОСПК) были категорически против коллективизации анархистами значительной части экономики. Они ясно давали понять это, не только своими делами, но часто и словами. Возможно, типичный образец нападок на городские коллективы содержался в докладе Долорес Ибаррури на пленуме Коммунистической партии в мае 1938 г. Признав вначале, что «случившееся в промышленности было необходимостью для рабочих в условиях, когда собственники бросили все предприятия», Ибаррури продолжала:

“ «Испанский пролетариат проявил удивительный дух инициативы и организации, беря в свои руки фабрики и заставляя их продолжать работу... Опыт показал, что коллективы, плохо ориентируемые, разжигающие партикуляризм, делают более трудным для самих рабочих осознание общих интересов их собственного класса. На основе существующих коллективов невозможно построить прочный экономический порядок или новую форму государства. Под непосредственным руководством государства, при демократическом режиме, текущая ситуация должна быть исправлена и изменена множеством способов: национализацией одной части производства, централизацией и координацией другой, а также, если это необходимо, возвратом части его в частные руки...»⁵⁶

Каталонская сталинистская партия – ОСПК с самого её основания в конце июля 1936 г. проявляла непреклонную оппозицию по отношению к захватам фабрик и других рабочих мест. Один из первых документов ОСПК, опубликованный 6 сентября 1936 г., провозглашал: «Мы требуем, чтобы экономика была свободна от влияния или давления столь многих новоявленных комитетов, проявлений того псевдореволюционного наплыва, который душил великую жизненную силу Каталонии...»⁵⁷

Хуан Коморера, глава ОСПК, также ясно выразил эту оппозицию рабочему контролю экономики. В своём приветствии первой национальной конференции ОСПК, состоявшейся через несколько недель после формирования правительства Негрина, он говорил:

“ «Наша партия полагает, что в новой ситуации войны и революции синдикаты имеют и выполняют следующие основные обязанности: 1. Улучшение положения рабочего класса и помощь рабочим в организации своей жизни на лучших началах. Предоставление рабочим всех материальных благ, не противоречащих интересам войны; борьба со спекуляцией и сокрытием предметов первой необходимости; воспитание новой культуры рабочих. 2. Сотрудничество с правительством в деле лучшей организации и рационализации производства...

Мы верим, что синдикаты имеют огромное значение в нашей общей борьбе, но мы считаем ошибкой утверждение, что синдикаты должны направлять экономическую и политическую жизнь страны...»⁵⁸

Со сталинистами, в ВСТ и общей политике, было связано правое крыло Социалистической партии (ИСПП), хотя левые социалисты и ухэтисты, особенно в Леванте и Астурии, сотрудничали с анархистами. По понятным причинам, различные национальные и региональные республиканские партии, основу электората которых составлял средний класс, включая владельцев мелких промышленных предприятий, ремесленных мастерских и семейных ферм, также в общем выступали против анархических коллективов, как городских, так и сельских.

Единственной партией, присоединившейся к НКТ и поддержавшей создание коллективов, была Рабочая партия марксистского единства – диссидентская марксистско-ленинская партия, которая имела наибольшее число своих сторонников в Каталонии. Члены этой партии не считали коллективизацию лучшим способом построить социализм, но рассматривали коллективы как первый шаг в данном направлении и, в таком качестве, поддерживали их⁵⁹.

Гастон Леваль отмечал важность антиколлективистской политики Хуана Комореры, главы сталинистов в Каталонии, после того как тот вошёл в правительство региона и стал ответственным за экономику:

“ «Как сильно бы он этого ни желал, невозможно было искоренить во всех отраслях, на всех фабриках организационное влияние и превосходство наших синдикатов. Попытаться сделать это – означало бы парализовать производство... В итоге он пустил в ход две процедуры, которые были взаимосвязаны. С одной стороны, он оставлял фабрики без сырья или устраивал так, чтобы они получали его с опозданием, после чего обрушивался на них с критикой, в особенности на те, что действовали в военной промышленности. С другой – он задерживал платежи за полученные товары, что отражалось на материальной жизни рабочих,

которые, поскольку зарплата выдавалась под контролем профсоюза, обращали своё недовольство против активистов и делегатов НКТ и в итоге против НКТ как таковой»⁶⁰.

С самого начала Гражданской войны сталинисты противостояли рабочим коллективам. В тех частях Испании, где они контролировали Всеобщий союз трудящихся, они мобилизовали его против коллективов. Это особенно было заметно в Каталонии, где они полностью контролировали конкурента НКТ. Как вспоминал много лет спустя лидер НКТ Фелипе Алáис, ВСТ «объявил в своём манифесте, что он предлагает организовать брошенные производства как кооперативы и установить “рабочий контроль” в остальной части крупной промышленности, а мелкая промышленность и торговля должны быть защищены от конфискации»⁶¹.

Являлись ли коллективы экономически успешными?

Не приходится сомневаться в том, что после конфискации рабочими большей части промышленности, коммунальных служб и многих торговых предприятий экономика республиканской Испании начала функционировать нормально, насколько позволяли условия военного времени, уже через несколько дней после подавления мятежа. Также очевидно, что рабочие коллективы довольно быстро создали военную промышленность там, где её раньше не было, и эта промышленность смогла дать существенную долю вооружения, транспорта и военного оборудования, которые использовались вооружёнными силами лоялистов во время войны. В то же время многие потребительские товары, такие как ткани, оставались в наличии благодаря фабрикам, управляемым коллективами. Во всех этих смыслах коллективы были экономически успешны.

Виктор Альба доказывал: «...Испанская коллективизация в таком виде, недолговечная и обусловленная войной, представляет собой урок, в том смысле, что она доказала, что рабочие могут управлять средствами производства так же, как частные собственники, или лучше них»⁶².

В другом месте Альба говорит: «Коллективы 1936 года не просто избежали неудачи – они добились успеха. При данных обстоятельствах они наглядно продемонстрировали принцип, гласивший, что рабочие могут управлять предприятиями и без своих хозяев, с равной или большей эффективностью». Он отмечает, что этот результат был достигнут «не только благодаря их желанию стать владельцами предприятий, но и благодаря традиции образования, профсоюзному обучению, боевому духу, которые принесло рабочее движение. Рабочие 1936 года не только хотели стать хозяевами, но и были подготовлены к этому».

Однако Виктор Альба не собирался заходить дальше, строя догадки. Неизвестно, говорит он, пожелали ли бы рабочие остаться владельцами предприятий, если бы Гражданская война была выиграна Республикой, и не вспыхнули ли бы внутри коллективов конфликты, которые подавлялись войной в период 1936–39 гг.⁶³.

Другой наблюдатель коллективов, Рамон Триас Фаргас, который к началу 1960-х гг. стал профессором экономики в юридической школе Барселонского университета, также вынес в целом благоприятное впечатление о функционировании коллективов. По его заключению, многие из них преуспели, и он знал немало собственников, которые, вернувшись после победы Франко в войне, нашли свои фирмы в хорошем состоянии. Некоторые из этих заводов имели в наличии сырьё, на их складах хранились товары, и были произведены улучшения в оборудовании.

К сходным выводам пришёл сэнэтист Жеронимо Гарсия, который в первый год Гражданской войны был заместителем главы отдела военного транспорта Департамента обороны Каталонии и имел возможность наблюдать как военно-транспортную систему, контролируемую НКТ, так и гражданский коллектив, организованный профсоюзом транспортных рабочих НКТ. Он утверждал, что, по крайней мере в каталонском транспортном секторе, коллективизация была успешной и опыт показал, что профсоюзы могут управлять экономическими организациями, и управлять эффективно⁶⁴.

Однако не все из тех, кто поддерживал коллективы во время их существования, впоследствии считали их успешными. Хосе Марин Сальто, бывший член Национального комитета НКТ, с которым мы беседовали в 1951 г., полагал, что коллективы были полностью провальными или почти провальными. Отчасти это объяснялось тем, что слишком много технически образованных людей покинуло предприятия. Он считал, что их преемники могли справиться с работой в чисто административных вопросах, но не в технических, где рабочим не хватало знаний. Однако он отмечал, что были некоторые заводы, представлявшие собой исключения, на которых имелись способные управленцы и которые находились в хорошем состоянии после окончания войны⁶⁵.

Собственники и менеджеры, с которыми я разговаривал спустя годы после Гражданской войны, имели разные мнения насчёт коллективов. Один из них, работавший инженером на заводе, переоборудованном под военное производство, на основании увиденного им заключал, что предприятие при рабочем контроле было «катастрофой»⁶⁶.

Другой человек, который отвечал за коллективные переговоры в одной из барселонских текстильных фирм перед Гражданской войной, бежал вскоре после начала войны, а к 1960 г. был менеджером в той же самой фирме, высказывался не столь однозначно. Он говорил, что положение на коллективизированных предприятиях к концу войны сильно различалось от случая к случаю. Он отмечал, что в некоторых коллективах фабричным комитетом руководили люди, лояльные к бывшим владельцам, проявлявшие заботу о собственности и оставившие после себя значительный запас товаров. На других предприятиях, включая его собственное, не осталось ничего. Однако, как он отмечал, в большинстве случаев техника сохранилась в хорошем состоянии, даже на тех заводах, где склады были пусты, – главное исключение представляли собой заводы, пострадавшие от бомбардировок⁶⁷.

Директор другой барселонской текстильной фирмы утверждал, что фабрики, возвращённые первоначальным владельцам, по большей части выглядели неважно. После трёх лет войны почти не осталось сырья и не хватало квалифицированных рабочих. Он признавал, что было несколько примеров, когда рабочие проделали хорошую работу, управляя производствами,

и те были возвращены владельцам в довольно неплохом состоянии. Однако, добавлял он, за военный период выдвинулось очень мало хороших администраторов⁶⁸.

Человек, который недолгое время был представителем техников в контрольном комитете барселонской фабрики, производившей турбины, но ушёл оттуда, потому что, как он говорил, увидел, что рабочий контроль ведёт к катастрофе, и позднее был служащим в организации работодателей в профсоюзной системе франкистского режима, – этот человек утверждал, что люди в комитетах были выбраны не за свою компетентность, а за личную популярность. Он добавлял: у рабочих была идея, что любой может управлять фабрикой, хотя на самом деле это не так⁶⁹.

Наконец, даже официальные франкистские источники признавали, что по крайней мере некоторые из коллективов функционировали эффективно. Фалангистское издание «Синдикализм» в 1965 г. опубликовало статью, где говорилось: «Со своей стороны, я собрал непосредственные свидетельства тех лиц (инженеров, администраторов и рабочих), которые участвовали в управлении коллективизированными фирмами, такими как Трамвайная компания Мадрида; “Менхемор”, производившая и распределявшая электроэнергию; всё ещё существующая “Материаль и Конструксьонес”, выпускавшая локомотивы, вагоны и т.п. в Валенсии. Эти три фирмы, согласно версиям, изложенным достойными людьми, хорошо управлялись, на них поддерживалась дисциплина труда, их интересы были защищены, и даже были сделаны улучшения, которые позднее принесли выгоду старым владельцам, когда те в полной мере восстановили свои права»⁷⁰.

Заключение

Во время Гражданской войны в республиканской Испании проводился уникальный эксперимент по установлению рабочего контроля на значительном большинстве крупных предприятий, а также на многих средних и мелких. Этими предприятиями управляли комитеты, избранные рабочими и в большинстве случаев подотчётные регулярно проводившимся общим собраниям.

Этими коллективами, возникшими в результате спонтанных действий занятых на них рабочих, было сделано многое. Они организовали военный сектор экономики, который предоставлял значительную часть оружия и снаряжения, использовавшегося республиканской армией во время конфликта. Они обеспечивали поставки большинства промышленных товаров, необходимых гражданскому населению, во время войны.

Рабочие коллективы столкнулись с бесчисленными трудностями, некоторые из которых были связаны с последствиями Великой депрессии, а другие – с Гражданской войной. Кроме того, некоторые проблемы возникали вследствие самого факта, что рабочие брали под свой контроль предприятия, ранее принадлежавшие частным владельцам.

Вопрос о том, насколько эффективно управляли своими предприятиями коллективы, остаётся открытым. В этом отношении между ними существовали большие различия. Однако мы можем с уверенностью утверждать, что война была проиграна Республикой отнюдь не из-за создания революционных рабочих коллективов в городах. Разумеется, во

многих случаях коллективы вносили заметный вклад в военную и политическую борьбу. Они давали рабочим стимул трудиться ради победы республиканского дела. Есть причины считать, что нападения сталинистов и прочих врагов анархистов на коллективы подрывали мораль рабочих и тем самым – дело Республики, и после Майских дней в Каталонии анархистам пришлось вести настоящую битву в защиту коллективов и других элементов, составлявших их силу в республиканской Испании.

Версия #1

Зверобой создал 8 мая 2025 17:51:45

Зверобой обновил 8 мая 2025 17:58:46